

Рябининские чтения
2015

УДК 930.85(470.1/2) (063)
ББК 63.3(2)6-7(231)
Р 98

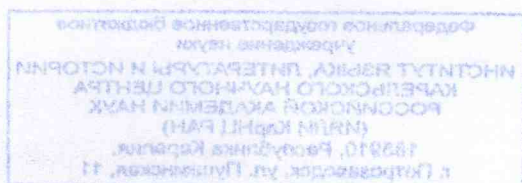
Ответственный редактор
доктор филологических наук *Т.Г. Иванова*

В сборнике публикуются материалы VII конференции
по изучению и актуализации культурного наследия
Русского Севера (Петрозаводск, сентябрь 2015 г.).

УДК 930.85(470.1/2) (063)
ББК 63.3(2)6-7(231)

ISBN 978-5-9907004-0-6

© ФГБУК «Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижский»», 2015

ТОЛСТЫЕ НОСЫ И ШИРОКИЕ ГУБЫ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПО ФОРМЕ В ТОПОНИМИИ КАРЕЛИИ¹

Аннотация: Идентификация по форме географических объектов присуща топосистемам разных языков. В статье рассматривается метафорическая топооснова Толстый, используемая в русской топонимии Заонежья для называния широких /тупых и одновременно высоких мысов, в паре с противостоящей ей адъективной основой Широкий, маркирующей широкие заливы. Аналогичное противостояние характерно для собственно карельской топонимии и представлено парой *Paksuniemi* 'Толстый мыс' и *Levielaksi* 'Широкий залив'.

Ключевые слова: топонимика, Заонежье, топооснова, карельская топонимия

Summary: Shape-based identification of geographic objects is found in the toponymic systems of various languages. The paper considers the metaphoric toponymic basis 'Tolsty' (*thick, stout*), used in Russian toponymy of Zaonezhye for naming wide/blunt and at the same time tall capes, as paired with an opposed adjectival basis 'Shirokii' (*broad*), used to mark broad bays. A similar opposition is characteristic of Karelian proper toponymy, represented here by the pair *Paksuniemi* 'Stout cape' and *Levielaksi* 'Broad bay'.

Keywords: toponymics, Zaonezhye, toponymic basis, Karelian toponymy

Топоосновы, характеризующие форму объектов, входят в список типовых в топосистемах самых разных языков. Понятно, что названия этой семантической группы присущи прежде всего небольшим по размерам объектам – островам, малым озерам, сельскохозяйственным угодьям и др., форма которых в силу малого размера объекта просматривается, осознается носителями топонимической системы и используется ими в процессе номинации. При этом, однако, в основе необязательно визуальный образ, но и тот, который формируется в ходе передвижений на местности – пространственное видение было хорошо развито у наших предков, жизнь которых была теснейшим образом связана с окружающим пространством. В результате по форме идентифицируются нередко и относительно крупные объекты.

В топонимии Заонежья около двух десятков топооснов, идентифицирующих объекты – озера, их заливы, мысы, острова, а также болота, сельскохозяйственные, а иногда и лесные угодья – по форме.² Среди них есть как русские, так и прибалтийско-финские примеры. При этом наблюдаются явные предпочтения в выборе отдельных топооснов для характеристики объектов определенного разряда. Так, метафорическая основа *Толстый* (*Толстой, Толстяк, Толстик*) применяется прежде всего в наименованиях озерных мысов: мыс *Толстик* Выр. Никитина, мыс *Толстой* Космос. Узкие, *Толстой* наволоки Киж. Подъельники, *Толстой* наволоки или *Толстяк* Кажм. Ладмозеро, *Толстой* мыс (иначе *Толстяк, Круглый мыс*) Толв. Хабаровская, *Толстый* наволоки Сенног. Клименицы; Кажем. Федотово, *Толстый* нос Типиницы, мыс *Толстяк* Униц. Мелойгуба.³ В заонежских примерах попала только одна *Толстая губа* Велик. Ламбасручей, которая на самом деле может быть вторичной, связанной с названием горы *Толстая щельга*.

Заонежские фиксации входят в обширный, хотя и не очень насыщенный севернорусский и более широкий русский ареал.⁴ По данным нашей картотеки *Толстые носы, мысы и наволоки*, а также топонимы *Толстяк* и *Толстик* бытуют в Поморье, Пудожье, на Вытегре. Показательно, что основа здесь везде используется практически исключительно для характеристики озерных, морских и речных мысов,⁵ за этой устойчивой связью стоит образ, характеризующий особенность названных мысов. Однако, исходя из интерпретаций наших информантов, этот образ уже в значительной степени размыт. Топографическая мотивация затерялась в достаточно широком спектре мотивов, от «растут толстые сосны», до «жил какой-то толстяк». Между тем, именно топографическая характеристика лежит в основе номинации, что подтверждается бытованием в беломорских говорах термина толстик 'крутой возвышенный морской мыс'.⁶ На топографических картах относительно крупного масштаба *Толстые носы* Заонежья –

© И.И. Муллонен, Д.В. Кузьмин, 2015

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ № 14-04-00243а «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте».

² Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. С. 61-82.

³ Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Свод топонимов Заонежья / Под ред А. С. Герда. Петрозаводск, 2014. (Далее – СТЗ).

⁴ См., например, фиксации в бассейне р. Оки: Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.

⁵ На Урале *Толстик* – название «мощной, но с плавными очертаниями горы», название которой связано с ее формой. А.К. Матвеев замечает, что значение топонима хорошо иллюстрируется диалектным словом толстик 'толстяк' (Матвеев А.К. Географические названия Урала. Краткий топонимический словарь. Свердловск, 1980).

⁶ Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011.

это широкие, неглубоко вдающиеся в озеро мысы, округлые по форме и, как правило, высокие. Толщина в данном случае есть прежде всего ширина, большая протяженность в поперечнике, значительный диаметр в сочетании с высотой как вторым параметром образа. Выделенные параметры подтверждаются вариантами заонежских названий: *Толстый нос* (Типиницы) известен также под названием *Тупой нос*, а *Толстой мыс* в Толвуде иначе называли *Круглым* [СТЗ]. Кроме того, показательна пара смежных *Толстый наволок* и *Тонкий наволок* (Кажем., Федотово). Видимо, признак высоты, заключенный в содержание топоосновы, препятствует ее использованию в наименованиях озерных заливов, отличающихся шириной, здесь предпочтение отдается модели *Широкая губа* (напр., Униц, Колгостров; Кажем. Пигмозеро). «Широкими» могут быть также другие «плоскостные» объекты – *Широкое поле*, *Широкая нива*, *Широкий бор*. Но «широкими», как свидетельствует заонежская топонимия (СТЗ), могут изредка быть и мысы, ср. *Широкуша* Толв. Хабаровская или *Широкий наволок* Сенног. Клименицы. Во втором случае название обусловлено характерной формой мыса, узкого у основания и широкого в конце. Мыс *Широкуша*, наоборот, широк у основания, через которое шла дорога, и в названии отразился, таким образом, взгляд со стороны материка, а не воды, как в Толстых мысах. В одном ряду с толвудской *Широкушей* в смысле идентификации объекта может быть *Лейнаволок* – наименование значительного по размерам мыса в южном Заонежье (Типиницы). Мыс резко расширяется при продвижении от вдающегося глубоко в озеро узкого конца к основанию, через которое проходила дорога, соединявшая два исторических поселенческих центра – Усть-Яндому и Типиницы. Для преодолевающего путь по этой дороге мыс действительно широкий, что и отразило его название – *Лейнаволок*, ср. карел. *levie*, *levei* ‘широкий’. Утрата «v» из карельского оригинала в ходе русского усвоения носит закономерный характер, ср. мыс *Суйнаволок* (Типин.) < **Suvi-* (карел., вепс. *suvi* ‘лето; юг’) или дер. *Сайтелда* (Дериг.) < **Savipeldo* (приб.-фин. *savi* ‘глина’). Сопоставление Толстых и Широких мысов высвечивает вновь один из существенных компонентов первых: они не только широкие, но и относительно высокие.

Аналогичными компонентами характеризуются и семантическое поле соответствующей собственно карельской метафорической топоосновы *Paksu-* ‘толстый’. Озерные мысы с названием *Paksuniemi* ‘Толстый мыс’, широкие и короткие, часто округлые по форме, относительно высокие, фиксируются неоднократно в Приладожье и реже на территории центральной и северной Карелии – в ареале собственно карельского расселения, однако отсутствуют полностью в ливвиковско-людиковской южной Карелии (рис. 1). Топонимический ареал, очевидно, детерминирован лексическим, а именно семантической лексемой *paksu* в двух южных наречиях карельского языка: *ruaksu* (*roaksu*, *ruaks*, *roaks*, *ruoks*) ‘частый, густой’, ср., кроме того, наречие *ruaksuh* ‘часто; густо’. По-видимому, истоки такого семантического развития были заложены уже на прибалтийско-финском праязыковом уровне, поскольку оно просматривается, по крайней мере, в эстонском и вепсском, в то время как в финском и собственно карельском *paksu* ‘толстый’.⁷ Более того, дистрибуция в семантическом наполнении карельской лексемы, с одной стороны, на собственно карельскую, с другой, на ливвиковско-людиковскую, может быть спровоцирована вепским субстратным наследием – сохранением вепсской семантики лексемы в ходе вепско-карельского контактирования на Онежско-Ладожском перешейке.

Ареал топонимной модели *Paksuniemi* свидетельствует о ее безусловных карельских истоках и одновременно об узких хронологических рамках ее бытования. Она не отмечена на путях ранней карельской экспансии на систему Сайменских озер, а группируется компактно в прибрежной полосе и вдоль известного северного маршрута на Пиелисьярви (ареал модели в Приладожье укладывается в значительной степени в границы исторического Корельского уезда Водской пятины) и далее очень разреженно проникает в российскую среднюю и

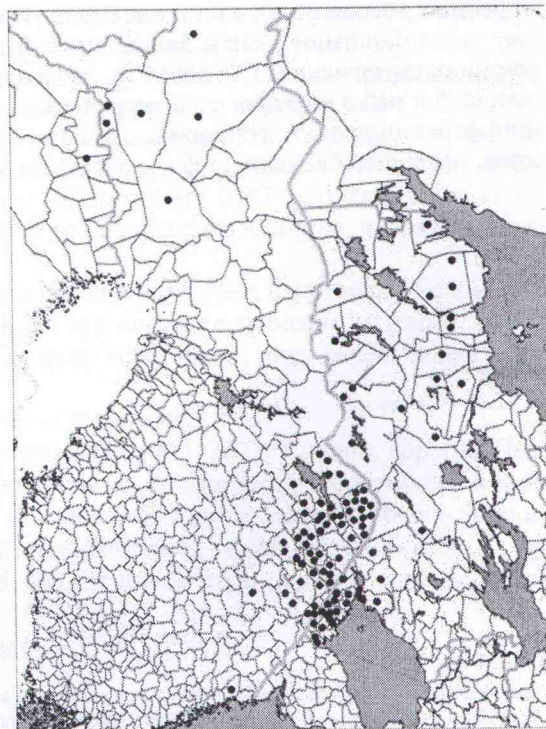

Рис. 1. Ареал топонимной модели *Paksuniemi* ‘Толстый мыс’.

⁷ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja 2. SKST 556, KKTJ 62. Helsinki, 1995.

северную Карелию. Такая конфигурация ареала, видимо, увязывается с тем, что модель, с одной стороны, появилась относительно поздно, а с другой, уже к XVI – XVII в. утрачивала свою продуктивность, именно последним обстоятельством объясняется ее малая активность в Карелии. Это подтверждают и еще более редкие фиксации модели на северо-восточной периферии Приладожской Карелии (Импалахти, Суйстамо, Суоярви и др.), которая, как известно, осваивалась в ходе внутренней миграции из ливвиковского Сямозерья.⁸ Некие условные хронологические параметры бытования модели *Paksuniemi* могут быть заданы границами, с одной стороны, Ореховецкого мира начала XIV в., ко времени заключения которого она еще не приобрела популярности и поэтому непродуктивна на Сайме, с другой, Столбовского мира начала XVII, когда продуктивность ее уже идет на убыль. В эти же временные рамки вписывается, очевидно, проникновение модели на северо-запад Финляндии, которое подтверждается рядом других топонимных типов (напр., основы *Karjala-*, *Lakkapää*, *Nilos-*) с карельскими корнями в этом регионе,⁹ а также сведениями о присутствии карелов на севере Финляндии и Швеции.¹⁰ При этом показательное отсутствие «толстых» мысов в других прибалтийско-финских топонимических системах, что в контексте древнерусского влияния на карельский ставит вопрос о возможном воздействии соответствующей русской топонимической модели *Толстый мыс / нос / наволоок*. В свою очередь, в беломорской Карелии бытование карельской модели могло поддерживаться русскими поморскими толстиками.

Модели *Paksuniemi* 'Толстый мыс' противопоставит в собственно карельском языковом ареале модель именования заливов *Levielaksi* 'Широкая губа', и это противостояние проходит здесь, пожалуй, даже последовательнее, чем в русском Заонежье. *Levielaksi* – типовая модель, в то время как *Levieniemti* 'Широкий мыс' встречается только в виде исключения, главным образом, как результат метонимического переноса наименования смежного залива, ср. *Levielaksi* и *Levieniemti* в Реболах или Алаярви. Здесь же, в собственно карельском ареале неоднократно фиксируется модель для называния озерных заливов *Kaitalaksi / Kaidalaksi* 'Узкий залив' при минимальном *Kaitaniemi* 'Узкий мыс'. Причины того, что не сложилась антонимическая пара *Paksu-* 'толстый' и *Kaita-* 'узкий', кроются, конечно, в признаке 'высокий', присутствующем в топонимической основе *Paksu-* помимо признака 'широкий'.

На фоне четко структурированной собственно карельской системы с типовыми моделями ливвиковско-людиковская практически не сложилась – в силу отсутствия здесь идентификации как озерных и речных мысов по их «толщине» (заметим, что и ливв. *järei*, *sangei* 'толстый' не оставили заметного следа в топонимии), так и заливов по ширине.¹¹ Аналогичная ситуация и в вепсской топонимии. Ее корни следует искать не только (и, видимо, не столько) в том, что в южной Карелии, как и на примыкающей к ней с юга вепсской территории значительно меньше озер и, следовательно, меньший спектр дифференцирующих топооснов для называния их частей, но и в стереотипизации признаков пространства, имеющей свою специфику в каждом этноязыковом ареале.

⁸ Omal maal vierahal maal. Suojärven historia III. Toim. Tapio Hämynen. Saarijärvi, 2011. S.25.

⁹ *Vahtola Jouko*. Torniojoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty. Nimistötieteellinen ja historiallinen tutkimus. Rovaniemi, 1980. S. 317, 349, 371.

¹⁰ *Kuzmin Denis*. Vienan Karjalan asutushistoria nimistön valossa. Helsinki, 2014. S. 302-308.

¹¹ В Научной картотеке топонимов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН отложилось только одно название «широкого» залива в южной Карелии – *Levedguba* Конд. Лижмозеро.